

Артемий Жданов

Металлистка

16+

Артемий Жданов

Металлистка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42819546

SelfPub; 2019

Аннотация

Чем безумнее ритм, тем громче стук сердца. Чем громче стук сердца, тем скучнее мироздание. Чем скучнее мироздание, тем безумнее ритм.

Оглушительный стук колёс смешивается с безумным барабанным грохотом, со скрежетом электрогитар, с криками вокалиста, и Влад, сутулясь, хохочет, выжимает судорожно громкость до максимума. И пустой вагон несётся ещё быстрее, его скрип, мерцающий свет, рёв колонки, провода тоннеля – всё бьётся в единой конвульсии, и Влад желает стать её частью, не переставая смеяться, трясёт головой.

Его глупый смех нравится ей, она сидит неподвижно и смотрит то на своё, то на его отражение в окне напротив; снаружи дёргается метро, дёргаются отражения, и в такт музыке что-то дёргается внутри неё самой. Она внезапно оборачивается к Владу и хватает, сжимает его кисть. Он смотрит на неё с удивлённым восторгом, и она слипается с ним губами. Ей нравятся его чёрные волосы, кожаная куртка, бегающий взгляд, ей нравится, как дерзок он с окружающими и как робок с одной ней, как дрожит теперь от этого поцелуя. В другом конце вагона прячется за портфель лысенький мужчина, и ей нравится, как всегда стыдятся их окружающие. Чувствуя табачный дым на его губах, Таня крепче сжимает ему руку, а потом вдруг отскакивает, садится как ни в чём не бывало и мысленно смеётся, громко смеётся над самолюбивым недоумением Влада.

Колонка, истощённая музыкальным безумием, пару раз булькает и выключается, когда они идут от метро.

– Жалко, – пытаюсь её включить, Влад бессмысленно жмёт

на ней какую-то кнопку. – Я думал провести эту ночь в изоляторе.

Он произносит это серьёзно и гордо, так, будто обитатели бессонных окон не поленились бы вызвать полицию, будто в изоляторе он бывает чаще, чем дома. Он произносит это серьёзно, но убеждается, что колонка разряжена, и прячет её в рюкзак от беззвучия душного вечера.

Темно. Темнеет в углу неба бледный лоскут заката, и, когда он исчезнет, всё окончательно погрузится в беззвёздное небо, невзрачное, как сотни серых панелек. Таня смотрит на них, не видит ни одного различия, и на мгновение ей кажется, что она стоит на месте и никуда не движется, что здесь, как в детском кошмаре, даже самый отчаянный бег бесполезен. Таня устало закрывает глаза. Её голова болит с самого утра.

– Наверное, лучше череп, – говорит она потом, разглядывая запястье своей руки.

– Да, череп будет хорошо, – Влад одобряюще трясёт головой, достаёт сигареты. – Ты будешь?

Головная боль на время проходит, когда Таня вдыхает щиплющий горький дым, держит его в себе. Они идут мимо теней пустой детской площадки, и на её фоне Таня, с длинной сигаретой, ощущает себя совсем взрослой, медлительно важной.

Влад выкуривает вторую сигарету. В сотый раз говорит, что родители уехали, стеснительно намекает. Она делает

вид, что не понимает. Ей нравится его внутренняя, гордо скрываемая досада.

– Да, череп хорошо, красиво, – повторяет в смятении Влад, поглаживая напряжённой рукой чёрные волосы. – А мама что скажет?

– Что скажет?.. Ничего не скажет. Может, ей даже понравится, – Таня говорит это нарочно, хотя знает, что мать не терпит татуировки. Может, потому Таня и хочет набить на запястье череп.

Они подходят к тускло освещённому подъезду. Влад доходит с ней до самого домофона, глупо стоит рядом, пока она ищет ключи. Таня их достаёт, сжимает в руке и молча смотрит вниз, на каменные ступени. По-детски наивный взгляд Влада к ней неотрывно прикован – чувствуя это, она с трудом сдерживает хихиканье, холодно его чмокает, оставляет в растерянности перед захлопнувшейся дверью подъезда.

Таня взбегает по лестнице и, сама не зная отчего, смеётся, а в лифте уже, вслушиваясь в мигрень недосыпа, стоит с полуоткрытым ртом, глядит на своё отражение. Год назад, когда она только покрасилась, хвост был ярким, ядовито-зелёным, а теперь он тускл, как листва городских деревьев. И серьга в носу словно выросла в него, стала чем-то повседневным. И синяки под глазами, и вся она, Таня, такая обычная, скучная, сонная, ненужная – что она? Сегодня ей пятнадцать – вроде день рождения, но день этот так же мелочен, ничтожен, как любой другой, и голова её болит точно так же. И

вообще...

Двери лифта открываются.

Таня проходит этаж, облезлый, прокуренный, пахнувший мочой, открывает, закрывает квартиру, волооча, ноги по паркету, идёт сквозь темноту коридора к своей комнате и падает в бессилии на кровать. Влад, должно быть, ещё возвращается домой, бредёт понуренным шагом. Она его представляет и думает о нём, о том, какой он глупый, как любит её, как ей нравится, что он её любит. Она жестока с ним? Нет – жестоко было бы гулять и целоваться, как с ним, с другими. А она? У неё ведь нет никого другого. Поэтому сегодня, в свой день рождения, она гуляла с ним, слушала металл.

Но как это всё скучно – Таня переворачивается – как это всё скучно: и Влад, и она, и эта пустая квартира. И головная боль. И мама – её нет, как обычно; утром сунула пять тысяч, и где она теперь – неизвестно. Но этих пяти тысяч хватит на небольшую татуировку. Мама выпучит глаза, когда увидит череп на Таниной руке. Таня представляет это её лицо и смеётся, и смотрит на потолок. На потолке – флуоресцирующие звёзды, наклейки из её детства. Зелёное мерцание ей напоминает то, кажется, далёкое время, беззаботное, светлое. Но что в сущности отличает его от сегодняшнего дня? Те же бесцельность и безделье. Только сегодня минуты летят с неумолимой скоростью, а тогда они были плавны, тягучи, как дорогая толстая жвачка, которую Таня покупала себе вместо школьных обедов.

Ни звука, лишь глухой шум соседнего бульвара. В квартире темно и пусто, и мама всё никак не найдёт себе какого-нибудь мужа.

А что завтра? В школу идти глупо: Таня давно там не была, да и делать в ней нечего. Одноклассники её не любят, учителя тоже. Можно было бы поскандалить, но толку? Всё равно ничего не изменится.

Сидеть дома, смотреть сериалы? Эти сюжеты она скоро выучит наизусть. К тому же, сериалы имеют свойство кончаться.

Влад? Да, пожалуй, Влад. Сказать ему, например, что она знает его больше не желает.

Представив это, Таня усмехается. Нет, это жестоко. В нём есть что-то. Сейчас в нём есть что-то, но ведь и он скоро наскучит...

И тут новая затея бодрит Таню, она достаёт телефон и быстро строчит Владу:

«купи что-нибудь выпить. будь через десять минут у подъезда».

Таня бросает телефон на кровать, вскакивает, веселясь от своей прихоти.

У подъезда она ругает Влада за то, что тот пришёл без колонки, говорит, что это неправильно, что они должны были разбудить весь район и вообще...

Она заглядывает в очарованные глаза Влада и бросается

на него с поцелуями.

Она ведёт его сквозь дворы к его же дому, и он без памяти бежит за ней.

Таня носится по его квартире и требует, чтобы Влад включил самый мозгодробительный металл, который только есть во Вселенной. Влад включает, но не очень громко, потому что разборки с соседями сейчас будут очень не к стати. В темноте Таня отдаёт себя его потугам, всё сливается в ночь, в металл. И в гармонии безумия лишь на миг ей становится тошно, лишь на миг рябит в глазах от однообразия – но лишь на миг, потому что Таня закрывает глаза и забывает про головную боль, гонит все мысли прочь. И мысли, оглушённые металлом, летят прочь, как бумеранг, чтобы вернуться вновь, описав дугу циферблата.

И беззвёздное небо невзрачно, как сотни серых панелек. И только в самом углу его бледнеет лоскут рассвета.